

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 4 / 2023, Vol. 14, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/67FLSK423.pdf>

DOI: 10.15862/67FLSK423 (<https://doi.org/10.15862/67FLSK423>)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Муталов, Р. О. Именная морфология даргинских языков: особенности в кубачинском и ицаринском / Р. О. Муталов // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/67FLSK423.pdf> DOI: 10.15862/67FLSK423

For citation:

Mutalov R.O. Nominal morphology of the Dargin languages: the peculiarities in Kubachi and Itzari idioms. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(4): 67FLSK423. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/67FLSK423.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.15862/67FLSK423

Муталов Расул Османович

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Россия

Главный научный сотрудник

Доктор филологических наук, профессор

E-mail: mutalovr@mail.ru

Истина: <https://istina.msu.ru/profile/Mutalov/>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=174530

Именная морфология даргинских языков: особенности в кубачинском и ицаринском

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования именных частей речи в кубачинском языке и ицаринском диалекте цудахарско-сирхинского языка (даргинская ветвь нахско-дагестанских языков). Даргинские языки, хотя ранее и рассматривались в качестве одного языка, обладают заметными отличиями как в фонетике, так и в грамматическом строе, тем не менее внутридаргинских сравнительных исследований ранее не проводилось, что усложняет задачу подготовки окончательной классификации даргинских языков и диалектов. В работе проведен сравнительный анализ грамматических категорий именных частей речи.

В результате исследования выявлены общие черты и отличительные особенности кубачинского языка и ицаринского диалекта. Выявлено, что они обладают рядом морфологических явлений, которые не отмечены в других соседних даргинских идиомах. В частности, общими для двух сравниваемых лингвистических единиц являются наличие пре-латива, совпадение личного местоимения 2-го лица, функционирование простых числительных без суффикса *-ал*, наличие в суффиксах атрибутивов изменяющегося классного показателя (*-зи-б*) и другие. На основании этого делается вывод о том, что в прадаргинском языке кубачинский и ицаринский идиомы входили в одну группу диалектов. Однако в дальнейшем, в результате языковых изменений, они распались на самостоятельные языковые единицы, чем и объясняются имеющиеся различия.

Полученные результаты окажутся полезными при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

Ключевые слова: даргинские языки; кубачинский язык; ицаринский диалект; категория числа; категория падежа; числительное; местоимение

Введение

Даргинские языки относятся к нахско-дагестанской (восточнокавказской) семье языков и распространены в Центральном Дагестане. В 20–30-х годах прошлого века кубачинский язык, как и соседний кайтагский, выделялся в качестве самостоятельного языка, но впоследствии все даргинские идиомы стали рассматриваться как диалекты одного даргинского языка, что было обусловлено внеязыковыми факторами. В последние десятилетия из-за многочисленных расхождений, проявляющихся на всех уровнях языка, даргинские идиомы считаются самостоятельными языками [1, с. 144]. В списке языков народов России выделено 6 даргинских языков: севернодаргинский, мегебский, цудахарско-сирхинский, кубачинский, кайтагский и чирагский (Список языков России, 2023. <http://jazykirf.iling-ran.ru/>).

Цель статьи заключается в выявлении общих и отличительных признаков в именном словоизменении двух соседних даргинских идиомов — кубачинского и ицаринского. Кубачинский язык считается наиболее отдаленным от других даргинских языков и диалектов, и актуальной является проблема определения степени близости кубачинской речи к другим соседним даргинским диалектам.

Ицаринский идиом, обладающий множеством уникальных языковых явлений, также претендует на статус самостоятельного языка, но пока условно рассматривается в качестве диалекта цудахарско-сирхинского языка, хотя сильно отличается от его диалектов. Он имеет много общих черт с кубачинским языком. В этом плане интересным представляется тот факт, что в первой классификации даргинских диалектов П.К. Услар относит речь села Ицари (*Глуцари*) к кубачинскому наречию [2, с. 4].

Оба сравниваемых идиома распространены в Дахадаевском районе РД, кубачинский распадается на собственно кубачинский диалект (с сулевкентским говором) и аштынский. Ицаринский распространен в селении Ицари, диалектного членения не имеет.

Актуальность исследования заключается в том, что пока остается неисследованной степень внутреннего родства даргинских языков и диалектов. Помимо этого, сравниваемые языки относятся к малым языкам, число носителей на которых из-за процессов глобализации стремительно уменьшается, и остро стоит проблема скорейшего сбора языкового материала по ним. В задачи исследования входит сопоставительный анализ словоизменительных категорий именных частей речи (категории грамматического класса, числа, падежа), изучение разрядов прилагательных, числительных, местоимений и выявление на этой основе общих черт и отличительных признаков кубачинского языка и ицаринского диалекта.

Методика

Для решения приведенных задач используются такие методы лингвистического анализа, как методы полевой лингвистики (при сборе полевого материала), метод синхронического анализа (при исследовании ряда морфологических процессов), сравнительно-сопоставительный метод (при выявлении в именной морфологии рассматриваемых идиомов общих и отличительных признаков).

Сбор материала проводился в ходе экспедиций в места непосредственного проживания носителей кубачинского и ицаринского диалектов в Республике Дагестан (пос. Кубачи Дахадаевского района, село Дружба Каякентского района, сс. Косякино, Михеевка Кизлярского района). Языковой материал по морфологии извлекался также из научных работ, посвященных исследованию кубачинского языка [3; 4] и ицаринского диалекта [5].

Одной из первых работ, посвященных кубачинскому языку, была статья Л.И. Жиркова [3]. Исследованию фонетики и грамматики кубачинской речи посвящена работа выдающегося кавказоведа А.А. Магометова [4], а также множество его статей. Недавно вышел в свет также кубачинско-русский словарь (Магомедов А.Дж. Кубачинско-русский словарь. — М.: Наука, 2017).

По ицаринскому идиому имеется диссертация (Муталов Р.О. Ицаринский диалект даргинского языка. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1992), в которой описаны его фонетические, морфологические и лексические особенности. В 2003 г. в Германии на английском языке была издана монография, посвященная описанию грамматики данного идиома [5].

Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных исследователей Услара П.К., Абдуллаева С.Н., Магометова А.А., Сумбатовой Н.Р., Темирбулатовой С.М., Корякова Ю.Б., Форкер Д.

Новизна исследования заключается в том, что в научный обиход введен значительный по объему новый материал именных частей речи сравниваемых языковых единиц. Результатом проведенного исследования стало выявление ряда общих черт и отличительных признаков в образовании и функционировании различных грамматических категорий. Исследованы также разряды именных частей речи в исследуемых языковых единицах.

Результаты и обсуждение

Даргинские языки обладают богатой морфологией, которая характеризуется как наличием разветвленной системы видо-временных и модальных форм глагола, так и сложной системы местных падежей [6]. Грамматическими категориями, используемыми в именных частях речи, являются категория класса, категория числа и категория падежа. В диалектах они обладают функционально-семантическими особенностями.

В даргинских языках функционирует категория грамматического класса; распределение имен по классам основано на семантике. Все существительные, обозначающие лиц мужского пола, а также некоторые религиозные понятия (*малаик* «ангел») относятся к мужскому (первому) классу; существительные, обозначающие лиц женского пола, относятся к женскому (второму) классу; остальные существительные, будь то одушевленные или неодушевленные, относятся к среднему (или третьему) классу [7]. Для согласования существительных с глаголами, атрибутами и адъективами в ицаринском и кубачинском используются морфемы, которые указывают на класс и число согласуемых слов (классно-числовые показатели).

Показателем первого грамматического класса в ицаринском, как и в других даргинских языках, выступает элемент *в*, который имеет алломорф *й*; второй грамматический класс маркируется показателем *р*; классно-числовым показателем третьего класса является *б*: *в-ебишиб* «убежал», *р-ебишиб* «убежала», *б-ебишиб* «убежало». Во множественном числе первый и второй классы маркируются показателями *д* (1-ое и 2-ое лица) и *б* (3 лицо); третий класс имеет показатель *д*: *нушиа д-ебишибда* «мы (вы) убежали», *адамти бебишиб* «люди убежали», *бицли д-ебишиб* «волки убежали».

Отличие между сравниваемыми идиомами заключается в том, что в кубачинском показателем женского (второго) класса выступает элемент *й*, который не зафиксирован в других даргинских языках: *й-ибииши* «убежать». По предположению А.А. Магометова, в кубачинском классный показатель *р* перешел в *й* [4, с. 76]; такой переход в данном идиоме является регулярным.

Большая часть существительных в сравниваемых идиомах имеет формы единственного и множественного чисел. Для образования формы множественного числа используются различные окончания [8]. Так, в кубачинском функционируют следующие показатели множественного числа существительных: *-е, -те, -бе, -не, -ме* [4, с. 83]. В ицаринском диалекте можно выделить простые и сложные маркеры плюралиса: простые: *-и, -би, -ри, -ти, -ми, -ди, -ни(-ин), -хьал, -т; -иппи, -уппи*; сложные: *-иппни, -рби, -урби, -урми, -луми, -уми, -нти*. Из них показатели *-ин, -нти* не отмечены в других идиомах. В кубачинском языке наиболее употребительным показателем множественного числа является *-е*; он, как правило, присоединяется к словам с согласным исходом; в ицаринском ему соответствует показатель *-и*. Как видно из приведенного материала, показатели множественного числа в кубачинском оканчиваются на гласный *-е*, а в ицаринском — на гласный *-и*.

При образовании форм множественного числа в основе существительных происходят различные изменения. Одним из таких процессов является чередование гласных. В большинстве даргинских языков и диалектов происходит чередование гласного звука основы с гласным *у*. Такое же явление отмечается и в кубачинском языке: *кказа* «кирка» — *ккузне, нит* «бровь» — *нутбе, бицI* «волк» — *буцIе, къап* «мешок» — *къупе*. В ицаринском же диалекте гласный основы чередуется с *и*: *бецI* «волк» — *бицIи, къап* «мешок» — *къипри* [5]. Подобное явление наблюдается лишь в кайтагском языке, соседствующим с ицаринским [9]. Данное обстоятельство является одним из языковых явлений, который сближает ицаринский с кайтагским.

Функционирование того или иного показателя множественного числа в сравниваемых идиомах зависит, как правило, от количества слогов в слове и характера исходного звука (согласный или гласный). Так, от односложных существительных с гласным исходом форма множественного числа образуется при помощи суффикса *-ме* (в ицаринском *-ми*): *цIа* «огонь» — *цIаме/цIами, дус/дусс* «год» — *дусме/дусми*.

При образовании форм множественного числа в двусложных существительных с гласным исходом наблюдается усечение конечного гласного. Наиболее характерным для слов этой группы является показатель *-не/-ни*: *ваца* «мышь» — *вацне/вацни*. Фонетический вариант этого суффикса *-ин*, встречаемый лишь в ицаринском, употребляется в тех случаях, когда перед исходным гласным имеется либо стечение согласных, либо геминированный согласный: *гIаргIа* «курица» — *гIаргIин, ттутту* «рот» — *ттуттин*. Если же существительное имеет в исходе гласный *-и* и обозначает термин родства, либо соматические термин, то форма множественного числа образуется посредством маркера *-бе/-би*: *уци* «брат» — *уцбе/уцби, аци* «дядя» — *ацбе/ацби* [4, с. 85], тем не менее в функционировании показателей множественного числа существительных в двух сравниваемых идиомах наблюдаются заметные различия — к одному и тому же слову могут присоединяться разные показатели: *гьана* «плита» — *гьуне* «плиты» (куб.), *гьана* — *гьинппи* (ицар.); *дихан* «веревка» (куб.) — *дихне; дигьан* — *дигьниппи* (ицар.), *лас* «стена» (куб.) — *лусуппе, лац* «стена» — *лиури* (ицар.).

Для даргинских языков характерна богатая система падежей, что обусловлено наличием большого числа локативных форм [9]. Следует отметить, что число местных падежей в южнодаргинских языках значительно больше, чем в севернодаргинских. Отличаются также в диалектах и языках и падежные показатели.

Так, в ицаринском эргатив оформляется посредством показателя *-л(-ил)*. В литературном языке и в большинстве других диалектов маркером эргатива выступает морфема *-ли* [7, с. 92]. В кубачинском же данный падеж имеет нехарактерный для других даргинских языков и диалектов показатель *-дил* пример. Во множественном числе в кубачинском функционирует показатель *-ад*: *ууче* «конь» — *ууч-ад*. Следует отметить, что подобный аффикс имеет

употребление и в некоторых других южнодаргинских языках и диалектах — чирагском, амухском и кункинском.

Датив в севернодаргинском языке оформляется показателем *-с* (акушинский) [6, с. 49] в тантынском *-ж*, [10], в цудахарском *-з*. В ицаринском и кубачинском данный падеж маркируется формантом *-(ли)й*: *гал* «мальчик» — *гал-лий* (кубач.). *ваба* «мать» — *ваба-й* «матери» (ицар.). Данный маркер характерен и для большинства диалектов и говоров сирхинско-цудахарского языка, в частности, для соседнего с ицаринским санжинского [11, с. 197].

Как и в большинстве даргинских идиомов, в ицаринском показателем генитива выступает морфема *-ла*. В значительном числе существительных в кубачинском в данном форманте представлен удвоенный сонорный *-л*: *-лла*: *къаакъа-лла лас* «каменная стена» [4, с.108]. В этом плане кубачинский близок к кайтагскому языку, где также в показателе генитива сонорный *л* удваивается [9, с. 156].

Комитатив в кубачинском образуется от прямой и косвенной основ посредством показателя *-цилла*. В ицаринском в данном случае функционирует показатель *-цилли*. Различаются оба сравниваемых языка и образовании форм супер-латива: в ицаринском представлен показатель *-й*, а в кубачинском — *-же*: *бикI* «голова» — *бикI-ли-же* «на голову» [4, с. 115] — *бекI* «голова» — *бекI-ли-й* «на голову» (ицар.).

В отличие от других диалектов и языков, в ицаринском и кубачинском отмечена форма пре-латива, которая указывает на направление движения в переднюю стороны объекта, что является их объединяющей чертой. Однако образование данной формы в двух языках происходит по-разному: в ицаринском представлен маркер *-са*, а в кубачинском — *-та*: *бикI* «голова» — *бикI-ли-та* «к передней стороне головы» (куб.), *бекI* «голова» — *бекI-ил-са* (ицар.).

Аллатив (направительный падеж) в кубачинском образуется посредством присоединения к формам латива показателя *-б-а*, где *б* — изменяющийся классно-числовой показатель: *нишши-ишу-в-а* «по направлению к нам» (1 гр. класс). В ицаринском функционирует показатель *б-ал*, где *б* — также классно-числовой показатель: *вацIа-цици-б-ал* «по направлению к лесу» [5].

Формы элатива (исходного падежа) в даргинских языках образуется посредством показателя *-ад*: *ишилизиб-ад* «из села» (акушинский) [6, с. 102]. В ицаринском для этого используется маркер *-р* (алломорф *-р-ттал*), который присоединяется к различным формам латива: *иши-л-цици-р-ттал* «из села». В кубачинском же используется показатель *-л*: *Мажалис-ли-л* «из Маджалиса» [4, с. 117]. От названий городов и населенных пунктов в кубачинском языке направительный падеж образуется посредством суффикса *-ле*: *Дербент-ле* «В Дербент». В ицаринском имеется схожий показатель падежа *-лий*: *Дербент-ли-й* «в Дербент».

В кубачинском языке прилагательные и причастия содержат в суффиксе изменяющийся классный показатель: *-зи-б*: *ара-зи-в* «здоровый» (1 гр. класс) [4, с. 31]. В ицаринском отмечаются также случаи, когда показатель атрибутива содержит классно-числовой показатель *-б* — при образовании атрибутивных форм от указательных местоимений: *ит* «тот, в стороне» — *ит-изи-б* «такой, как в стороне», *икI* «тот, наверху» — *икI-изи-б* «такой, как наверху». Данное явление — одна из черт, общих для сравниваемых идиомов — в этом плане кубачинский и ицаринский отличаются от всех других даргинских языков и диалектов.

Простые числительные, кроме единицы, в даргинских языках и диалектах оформляются суффиксом *-ал*: *кIел* (от *кIи+ал*) «два», *хIяб-ал* «три», *ав-ал*, *вецIал* и т. д. В кубачинском и ицаринском в простых числительных суффикс *-ал* не используется: *кIви* «два», *гIяб* «три»,

вец1 «десять». Данное обстоятельство является также одним из факторов, сближающих кубачинский язык и ицаринский диалект.

В образовании составных числительных, начинающихся от ста, также имеются особенности. В кубачинском они образуются посредством присоединения второй части числительного к слову *дарш* «сто» в местном падеже (лативе): *дарш-ли-й ца* «сто один (букв. «к сотне один»)». В ицаринском используется суффикс *-м*: *дарш-ли-м ца* «сто один». В некоторых даргинских идиомах в конце слова функционирует показатель *-б*: *дарш-ли-б ца* [12].

Целый ряд общностей и отличий обнаруживается в сравниваемых идиомах и в местоимении. В даргинских языках для обозначения 1-го лица используются два местоимения: *ду* и *ну* «я». Местоимение *ну* функционирует в севернодаргинских языках и диалектах, а *ду* является общим для всех южнодаргинских языков и диалектов, в т. ч. и для кубачинского и ицаринского. Отличия сравниваемых диалектов наблюдается в склонении личного местоимения 2-го лица *у* «ты»: в дативе в кубачинском имеем форму *иттий* «тебе», в ицаринском — *атт*.

Во множественном числе в кубачинском функционируют местоимения *нушша* «мы», *ьушша* «вы». Одной из специфических черт ицаринского диалекта является совпадение форм 1-го и 2-го лиц личных местоимений во мн.числе — *нушша* «мы», «вы». В то время как в соседних диалектах — чирагском и кайтагском для выражения 1-го лица множественного числа имеются формы инклюзива и эксклюзива, в ицаринском для обозначения двух лиц имеется одна форма.

Следовательно, кубачинский и ицаринский идиомы обладают рядом общих признаков в именной морфологии. В то же время в них представлены значительные расхождения. На основании вышесказанного можно сделать предположение о том, что в протодаргинском состоянии языка кубачинский и ицаринский идиомы, по всей видимости, входили в одну диалектную группу. Вследствие миграционных процессов, происходивших в истории даргинцев, они распались на самостоятельные диалекты, и, в результате языковых изменений, образовались различия в функционировании грамматических категорий и именных частей речи.

Выводы

Таким образом, в работе дан сравнительный анализ грамматических категорий именных частей речи в кубачинском языке и ицаринском диалекте цудахарско-сирхинского языка. Проведенное исследование дает возможность сделать следующие выводы. Выявлены общие черты и имеющиеся отличия в функционировании грамматических категорий именных частей речи в сравниваемых языковых единицах. Установлено, что они обладают рядом общих языковых явлений, которые не отмечены в других соседних даргинских языках и диалектах. Таковыми являются: функционирование в них форм пре-латива, маркированных показателем *-са/-та*; совпадение личного местоимения 2-го лица *у* «ты»; отсутствие в простых числительных суффикса *-ал*, который имеется в других идиомах; наличие в суффиксах прилагательных изменяющегося классного показателя (*-зи-б*) и другие. В то же время, кубачинский и ицаринский идиомы обладают и значительными расхождениями в морфологии. На основании сказанного выдвигается гипотеза о том, что в прадаргинском языке, который, предположительно, был распространен в верховьях реки Уллучай, кубачинский и ицаринский идиомы входили в одну группу диалектов. Однако в дальнейшем они распались на самостоятельные диалектные единицы, и в результате языковых изменений в именном словоизменении рассматриваемых идиомов появились существенные различия. Полученные результаты окажутся полезными как при создании сравнительно-исторической грамматики

даргинских языков, так и при подготовке окончательной классификации даргинских языков и диалектов.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в том, что можно будет продолжить выявление общих черт и особенностей как в глагольной морфологии, так и в синтаксических конструкциях и лексическом составе сравниваемых идиомов. Помимо этого, перспективным видится проведение подобных исследований и с привлечением материала всех даргинских языков и диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. М.: Издательство ООО «Буки-Веди». 2021. С. 139–154.
2. Услар П.К. Хюркилинский язык. (Этнография Кавказа. Языкознание. V). Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1892. 498 с.
3. Жирков Л.И. Язык аула Кубачи // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока, 1, Москва, 1930, С. 225–256.
4. Магометов А.А. Кубачинский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР. 1963. 340 с.
5. Sumbatova N.R., Mutalov R.O. A Grammar of Icarî Dargwa. [Languages of the World Series 92]. München — Newcastle: LINCOM Europa. 2003. 242 p.
6. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. 1954. 216 с.
7. Абдуллаев З.Г., Абдусаламов А.А., Мусаев М.-С.М., Темирбулатова С.М. Современный даргинский язык. Махачкала, 2014. 614 с.
8. Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка. Категория числа. Махачкала, Дагучпедгиз. 1982. 122 с.
9. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2004. 308 с.
10. Мусаев М.-С.М. Падежный состав даргинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1984. 116 с.
11. Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк. Вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры. 2014. 752 с.
12. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press. 2020. 628 p.
13. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019. 366 p.

Mutalov Rasul Osmanovich

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: mutalovr@mail.ru

Istina: <https://istina.msu.ru/profile/Mutalov/>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=174530

Nominal morphology of the Dargin languages: the peculiarities in Kubachi and Itzari idioms

Abstract. The article deals with the peculiarities of nominal parts of speech functioning in the Kubachi language and the Itzari dialect of the Tsudahar-Sirkhya language (the Dargin branch of the Nakh-Dagestani languages). There are significant differences in both phonetics and grammatical structure in the Dargin languages, although the Dargin was considered to be the one language in previous period. However, the aim of establishing a final classification of Dargin languages and dialects is complicated by the absence of full comparative study within the Dargin languages. A comparative analysis of grammatical categories of nominal parts of speech is held in this work. As a result of the study, common features and different peculiarities of the Kubachi language and the Itzari dialect are identified. A number of morphological phenomena which is common to both of them and not specific to other neighboring Dargin idioms are revealed. In particular, it is common to both linguistic units under study: the 2nd personal pronoun coincidence, the functioning of simple numerals without the suffix -al, the presence of changing class indicator in attributive suffixes (-zi-b) and others. Based on these facts, it is concluded that in the proto-Dargin language, the Kubachi and Itsari idioms belonged to one and the same group of dialects. However, later, as a result of linguistic changes, they broke up into independent linguistic units, and that fact explains the existing differences. The results obtained will be useful in preparing a comparative historical grammar of the Dargin languages.

Keywords: the Dargin languages; the Kubachi language; the Itzari dialect; category of number; category of case; numeral; pronoun